

УДК 811.161.1'373.22:811.581'373,22:796.012.1:59

А.Г. Суколен*аспірант каф. русскаго, агульнага і славянскага мовознаўства
Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Франціска Скарыны
e-mail: ashukajlova@mail.ru***ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СИЛА» ‘ФИЗИЧЕСКАЯ МОЩЬ’
В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЗООНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ)**

В основу описания зоонимов обоих языков в аспекте культурно обусловленной коннотации положена этнокультурная интерпретация образной составляющей лексического значения, воплощенной в знаковом культурно-национальном пространстве.

Отвлеченные понятия, отражающие различные стороны реальной действительности, формируются на протяжении длительного времени и под воздействием многообразных факторов. По мнению М.И. Стеблина-Каменского, «весьма вероятно, что в более отдаленную эпоху многие абстрактные обозначения явлений (война, битва) или переживаний (ненависть, ужас) были обозначениями более или менее человекообразных существ» [1]. С течением времени лексика такого рода наполнялась все большей степенью абстрактности, и на современном этапе развития языка объяснение базовых отвлеченных понятий практически невозможно без демонстрации конкретных примеров, ситуаций или экспериментов. Зоонимическая лексика, обладающая ярким коннотативным потенциалом, становится уникальным источником познания русских и китайских национально-культурных особенностей осмысления таких важных проявлений внеязыковой действительности, как абстрактные понятия.

Объектом исследования в данной работе являются зоонимы русского и китайского языков, выступающие в качестве репрезентантов понятия «сила». Цель данного исследования заключается в выявлении особенностей вербализации понятия «сила» в сопоставляемых языках.

В русском языке сильным называют хорошо развитого, крепкого человека, обладающего большой физической силой. В русском языке *сила* имеет значение ‘способность живых существ напряжением мышц производить физические движения, действия; физическая энергия человека, животного’ [2, с. 91]. На китайский язык слово *сильный* переводится как 力气大的 (lìqì dà de) (‘обладающий большой силой’). В китайском языке иероглиф 力lì (сила) в прямом значении определяется посредством отсылки к понятиям 力气 (lìqì – ‘энергия, получаемая путем сокращения мышц’) [3, с. 805], и 体力 (tǐlì – ‘мощь, получаемая за счет физической активности’) [3, с. 1281]. Поэтому 力lì (сила), с одной стороны, связана с 体(tǐ – физическим телом), а с другой стороны, представляет собой жизненные силы организма, связанные с энергией 气(qì – ци) – природной силой, наполняющей Вселенную. «Ни в одном из классических китайских трактатов не говорится о том, как выглядит ци или какую оно имеет форму. Сущность *ци* проявляется лишь в его воздействии, например на человека. Все во вселенной состоит из *ци* и действует благодаря ему» [4, с. 825]. Из приведенных определений следует, что в русской культурной традиции образ человека, обладающего физической силой,

Научный руководитель – В.И. Коваль, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Франциска Скарыны

непосредственно связан с наличием внешних физических проявлений (крепкое, развитое телосложение, определенный возраст и др.). В Китае «внешняя сила 外力 (wàilì), возникающая благодаря тренировке мышц и поддержанию тела в должной физической форме» [4, с. 413], не является показательной, так как физически сильный человек только в случае обретения внутреннего равновесия является воплощением гармонии между своим телом и энергией 气 (qì), накопленной в нем.

Для русского человека олицетворением обладателя большой физической силы является богатырь – «воин, обладавший исключительными физическими, волевыми и нравственными качествами, благодаря которым он преодолевал сверхсложные, в масштабе “обычных” человеческих возможностей, препятствия, решал соответствующие социокультурные и государственно-политические задачи, а также побеждал сверхсильных врагов» [5, с. 17]. Воплощение наиболее архаичных представлений о связи природного и человеческого начал – один из древнейших фольклорных персонажей богатырь Волх (Вольга) Всеславьевич – единственный представитель древнейшего русского эпоса, способный превращаться в животных. В былине о Волхе Всеславьевиче упоминаются животные (сокол, волк, тур, муравей), силу которых перенимает богатырь для выполнения своего предназначения. В.Я. Пропп, причисляя Волха к наиболее архаичным русским героям, отмечал, что «в былине прямой веры в оборотничество уже нет, оно использовано только как поэтический прием, но создаться образ героя-оборотня мог только тогда, когда эта вера еще была» [6, с. 72].

Мотив оборотничества наблюдаем и в китайской легенде о 大禹 (= Юе Великом) – одном из древних мифических правителей Китая, усмирившем воды потопа: «Юй подождал, пока жена ушла, покачался из стороны в сторону, превратился в черного медведя, заросшего шерстью, и стал из всех своих медвежьих сил прорывать проход в горе. Он так рьяно работал своей мордой и всеми четырьмя лапами, что камни разлетались во все стороны» [7, с. 175]. Животная природа в данном случае, одерживая верх над человеческой, также помогает справиться с непосильной для обычного человека задачей.

Можно отметить, что сочетание природного и человеческого начал и в образе русского богатыря Волха, и в образе китайского правителя 大禹 (Юя Великого) может не только служить для осмысления физических сил и возможностей человека, но и восприниматься в качестве определенного этапа освоения как русскими, так и китайцами сил природы в целом.

Давая оценку людям, отличающимся большой физической силой, и русские, и китайцы использовали названия животных, что вполне закономерно, поскольку связано с первобытными представлениями человека о природе и ее силах, а также с тотемизмом и восприятием тотемных животных в качестве «животных силы». Восточные славяне возводили в культ и одухотворяли волка, рысь, оленя, лошадь, сокола и др. В Китае также «по сей день существуют национальные и родовые (фамильные) тотемы. Известный китайский ученый Ван Сяодунь (王小盾 «四神: 起源和体系形成») выделяет такие наиболее популярные животные-тотемы, как птица (鸟), змея (蛇), собака (狗), тигр (虎)» [8, с. 9].

Известно, что подражание движениям животных с древности практиковалось мастерами восточных единоборств. «Древние мастера боя в поисках новой техники и способов ее реализации часто обращались к повадкам животных, птиц, змей, насекомых. Появились отдельные приемы, целые системы боя, стили борьбы, нарекаемые именем зверя, характер которого берется за основу» [9, с. 24]. Сравним следующие номинации: 白鹤拳 (báihè quán) (кулак белого журавля), 狗拳 (gǒu quán) (кулак соба-

ки), 鷹拳 (yīng quán) (кулак ястреба), 白蛇赴草 (báishé fù cǎo) (белая змея прячется в траве), 獅脚掌 (shī jiǎozhǎng) (львиная лапа), 黑熊反被 (hēixióng fǎn bèi) (черный медведь пятится назад) и т.д. В энциклопедии боевых искусств отмечается, что «древнейшие формы подражания повадкам животных символизировали исконные свойства человеческой натуры: привязанность к земле (медведь), легкость (птица), силу (тигр) и гибкость (змея). Ранние формальные комплексы были близки к оригиналу – их разучивали, стоя на четвереньках, зачастую завернувшись в мех животного, которому подражали» [4, с. 733].

По данным ассоциативного эксперимента, проводившегося исследователями Ю.О. Коноваловой и Моу Фансяо с целью изучения функционирования зоонимов в русском и китайском языках, в рамках которого 100 человекам (50 русским и 50 китайцам) был задан вопрос «Если человека сравнивают с каким-то животным, то какой он?», отклики на зооним *медведь* (熊) следующие: «медведь для большинства русских (48 %) и китайских (64 %) информантов сильный» [10, с. 8].

Для русской культуры образ медведя имеет сакральное значение, поскольку это животное устойчиво связывается с символикой плодородия, здоровья и силы. В древнерусской языческой традиции «культ медведя воплощает силу почти безграничную, идущую «изнутри», способную исцелять, защищать, влиять на само течение жизни» [11, с. 210]. Вместе с тем в русском народном сознании медведь ассоциируется с сильным, но неуклюжим человеком. Так, персонаж древнерусской сказки «Медведко, Усыня, Горыня и Дубыня – богатыри» Медведко – сын девушки Репки и медведя, лесного царя, – описываемый как человек с медвежьим ушком, или полумедведь-получеловек, обладал огромной физической силой, но был неловким в движениях: *Стукнуло ему пятнадцать лет, стал он ходить с ребятами на игры и шутить шутки нехорошие: кого ухватит за руку – рука прочь, кого за голову – голова прочь* [12].

Вполне закономерно, что в художественных текстах образ медведя используется для описания дородных, крупных и рослых людей: *Родной правнук Лозинского-Шуляка, бывшего гайдамака, – человек огромного роста, в плечах сажень, руки, как грабли, голова белокурая, курчавая, величиною с добрый котел, – настоящий медведь из пущи* (В.Г. Короленко. Без языка).

О здоровом, сильном человеке, обладающем богатырским телосложением, китайцы говорят 虎背熊腰 (hǔ bèi xióng yāo) (спина тигра и поясница медведя): 他本是个典型的北方汉子, 生得身材魁伟、虎背熊腰, 这时却显得有几分憔悴。(Он изначально – типичный пример мужчины из северного Китая, от рождения крупный, сильный, сейчас выглядит изможденным). Чтобы добиться наиболее выразительной характеристики, в обозначенном китайском выражении наряду с зоонимом 熊 (xióng) (медведь) упоминается также и зооним 虎 (hǔ) (тигр).

Как в русском, так и в китайском языках употребляется сравнительный оборот *сильный, как медведь* (像熊一样强壮): *Ростом – как два Христофора. Сильный, как медведь* (В.А. Мезенцев. Чудеса: популярная энциклопедия); *我的兄弟不仅像熊一样强壮, 而且像草原上的狐狸一样狡猾, 他的敌人可得小心了。(Мой младший брат не только силен, как медведь, но и, как степная лиса, хитер, его противнику нужно быть осторожным).*

Возвращаясь к теме боевых искусств, отметим, что среди множества форм учения Ба-Гуа цюань существует форма «медведь»: «Совершая форму “медведь”, воспроизводим его тупость и пугающую суровость. Говоря о действиях в этой форме, фундаментом которой является беспримерное мужество, назовем способность “Выкорчевывать деревья”, прием “Встряхивая шарить”» [13, с. 53]. Таким образом, медведь вос-

принимается китайцами как животное, обладающее устрашающей физической мощью, с далеко не изящными движениями.

Устойчивое выражение *русский медведь* закрепилось за людьми огромной силы, знаменитыми борцами и атлетами, такими как Иван Поддубный и Александр Карелин. Своеобразную отсылку к образу медведя, подчеркивающую бойцовские качества человека, находим в произведении китайской писательницы Цань Сюэ: 我不能逃走, 可是我必须像熊一样挣扎到底。(Мне нельзя бежать, мне следует, как медведь, бороться из последних сил до конца).

Если для русских образ медведя неразрывно связан с силой, воплощающей дух русского народа, то для китайцев в роли животного, выражающего особое понимание силы, огромную физическую мощь и военную доблесть, выступает тигр. «Воины рисовали голову тигра на щитах; ее гравировали на деревянных дверях военных укреплений для устрашения неприятеля. В древние времена, стремясь вселить страх в стан противника, китайские воины в тигровых шкурах шли на врага с дикими криками, напоминая ревом настоящего тигра» [14, с. 67]. Особое понимание природы тигра отражается и в значении зоонима 虎 (hǔ) (тигр) ‘храбрый, мужественный’: 虎将 (hǔjiāng) (тигр-генерал) ‘храбрый полководец’, 虎臣 (hǔchén) (тигр-министр) ‘важный сановник; министр, твердо проводящий свою линию’, 虎士 (hǔshì) (тигр-солдат) ‘храбрец, герой’, 虎旅 (hǔlǚ) (бригада тигров) ‘бесстрашное войско’. Слова 将 (jiāng) (генерал), 臣 (chén) (министр) и 士 (shì) (солдат) имеют нейтральную коннотацию, но, соседствуя с зоонимом 虎 (hǔ) (тигр) в рамках одной лексемы, также становятся положительно коннотированными. Таким образом, как справедливо отмечает Лю Гуанлэй, «распространенный в духовной культуре как мысленный образ, зачастую связанный с воинственностью, храбростью, упорством, выносливостью, решительностью, несгибаемостью, преданностью, искренностью и другими особенностями, в процессе исторического развития китайской нации тотем тигра стал символом воинского духа» [15, с. 119]. Подтверждением того, что слово 虎 (hǔ) (тигр) вбирает в себя всевозможные положительные характеристики и символизирует воинский дух, является и употребление рассматриваемого зоонима в составе антропонимов. Так, легендарного мастера ушу Хо Юаньцзя (1868–1909), героя борьбы с интервенцией и колонизацией Китая, называли «Желтолицый тигр» [16].

В китайском языке зооним 虎 (hǔ) (тигр) является элементом выражений, характеризующих внешность физически сильного человека: 虎势 (hǔ shì) (облик тигра) ‘крепко сложенный; мощное телосложение’. Например, 他每天到健身房练举重, 把一身肌肉炼得真虎势。(Он каждый день ходил в тренажерный зал, занимался тяжелой атлетикой и развил крепкое телосложение) [17]; 虎威 (hǔwēi) (мощь тигра) ‘человек, имеющий внушительный вид, величественную, грозную осанку’. Например, 我只是不满喇嘛爷似乎轻视了王爷的虎威, 竟不悄悄领着! (Я только лишь недоволен господином Ла Ма, который с пренебрежением относится к внушительному виду господина Ши Лиао, вопреки ожиданиям показавшего, что он не тихий и незаметный). Кроме того, зооним 虎 (hǔ) (тигр) употребляется в составе сравнительного оборота 象老虎一样强壮 (сильный, как тигр): 贺龙同志象老虎一样强壮。(Единомышленник Хэ Луна силен, как тигр).

В современном русском языке в значении ‘храбрый, мужественный, сильный человек’ традиционно употребляется зооним *лев*: *В одном из боев с поляками погиб храбрый Дундич, «лев с сердцем милого ребенка», как прозвал его Ворошилов* (Ока Городовиков. В боях и в походах). Несмотря на то, что лев не является представителем клас-

сической фауны территории России, под влиянием европейской культуры, в которой «лев еще до периода Древней Греции был символом силы и неустранимости» [18, с. 160], зооним *лев* в текстах русской художественной литературы используется в составе сравнительного оборота *сильный, как лев*: *Они сильные, как львы!* (Кир Булычев. Девочка с Земли); *Сын бедного романьольского землепашца, вышел он из народа, сильный, как лев, хитрый, как лиса, достиг вершины власти злодеяниями, подвигами, мудростью – и умер на престоле миланских герцогов* (Д.С. Мережковский. Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи). В китайской культуре *лев* является стражем культовых объектов: «Начиная со II века наблюдается распространение изображений львов и преобладание их использования как стражников, сопровождающих душу погребенного в его небесную обитель, размещенных симметрично с двух сторон церемониальной дороги, так называемой Дороги духов – 神道 (shéndào), ведущей к гробнице императора, членов его семьи или высокопоставленных императорских чиновников» [19, с. 459]. Таким образом, употребление зоонима 狮子 (shīzi) (лев) в значении ‘сильный, мужественный человек’ для китайского языка является нехарактерным.

Физически крепких и сильных людей китайцы также называют 彪 (biāo) (мелкий тигр) ‘здоровяк, рослый детина’: 回大人, 是彪下邓世昌, 拜见中堂大人! (Вернувшись уважаемым человеком, здоровяк Дэн Шичан впервые нанес визит канцлеру). Фразеологизм 彪形大汉 (biāo xíng dà hàn) (рослый мужчина с фигурой мелкого тигра) употребляется в значении ‘здоровенный детина; великан, рослый мужчина’: 6月22日下午, 几个彪形大汉闯进李莎的家, 其中的一个人把逮捕证摔到她面前, 厉声说: «你被捕了!» (22 июня во второй половине дня несколько здоровяков вломались в дом Ли Ша, один из них предъявил ордер на арест и сказал, что она арестована). Приведенные примеры свидетельствуют о том, что даже мелкий тигр в понимании китайцев обладает огромной силой. Кроме того, просматривается четкая связь между обладанием физической силой и внешними выражениями ее наличия у человека: высокий рост, широкие плечи, крепкое телосложение и др.

В русском языке мужчину-здоровяка называют *быком*: *Здоровый как бык! Кулаки – по пуду каждый, бицепсы – с полметра* (К. Шахназаров. Курьер). При этом, как и в случае с китайским зоонимом 彪 (biāo) (мелкий тигр), внешние параметры указывают на наличие физической силы: *Здоровый как бык, он мог две минуты держать на вытянутой руке двухпудовую гирию* (А. Михайлов. Капкан для одинокого волка).

В славянской традиции *бык* – воплощение силы и мужского начала. *Быком* называли ряженого, участвовавшего в одной из святочных игр [20, с. 342]: «Юноша, изображавший быка, держал под покрывалом в руках большой глиняный горшок с прикрепленными к нему настоящими бычьими рогами. Смысл игры заключался в том, чтобы бодать рогами девчат и притом так, чтобы им было не только больно, но и стыдно» [21]. Таким образом, бык воплощал мужскую оплодотворяющую силу, а значит, здоровье и силу мужского организма в целом. Кроме того, «исстари в верованиях различных народов именно это животное выступало как эмблема «мужской половой потенции»» [22, с. 64].

Вербализация осознания того, что бык воспринимается русскими как животное, обладающее чрезмерной силой, отражена в значении омонимичной лексики *бык* ‘промежуточная опора моста’. По этой же причине в 90-е гг. XX в. *быками* стали называть парней мощного телосложения, членов организованных преступных группировок, участвовавших в различных силовых акциях: *К тротуару причалила «девятка» стального цвета, из нее вышли два здоровых парня в майках и шортах – типичные быки с мощными шеями и бицепсами* (А. Житков. Супермаркет). Отметим, что словосочетание *бычья шея* в русском языке имеет переносное значение ‘короткая и сильная’,

а в китайском 牛脖子 (niú bózi) (бычья шея) – диалектное выражение, употребляемое в значении ‘упрямство; упрямец’. Тем не менее привычное для русского языка сравнение *сильный как бык* находим и в китайских текстах: 壮得象条牛: 那水手长人高马大, 壮得象条牛, 服务生根本不是对手。 (Тот боцман рослый и крупный, сильный, как бык, официант ему вообще не противник). Или 头牛 (tóu niú) (бык-вожак): 是你自己要小题大作的, 我壮得象头牛。 (Ты сам делаешь из мухи слона, я сильный, как бык-вожак).

В культуре восточных славян значимым для вербализации понятия «сила» является также зооним *тур*. *Турами* называли первобытных диких быков, самых крупных послеледниковых животных, обитавших в лесостепях и степях Восточного полушария вплоть до середины XVII в. Для восточнославянского эпоса характерным было сравнение храбрых воинов с *турами*: *Буй-тур* народно-поэтическое приложение к имени воина, означающее ‘могучий и храбрый’. Яркое сравнение обнаруживаем в памятнике древнерусской письменности «Слово о полку Игореве»: *Ярь туре Всеволоде! Камо, турь, поскачяше, своимъ златымъ шеломомъ посвечивая, тамо лежатъ поганья головы половецкыя, поскенаны саблями калеными шелома оварьскыя, отъ тебе, ярь туре Всеволоде!* Данный отрывок указывает на то, что «Всеволод выведен в “Слове” символом боевой доблести и лучших качеств воина» [23, с. 86], а зооним *тур* олицетворяет идею воинственной мощи и физической силы. Современные авторы также используют слово *тур* в сравнительных оборотах со схожей семантикой: *Кирьяк, как тур, здоровый и, как ласка, верткий, а крепко ему от Семушки досталось, покамест его скрутил* (Ю.М. Нагибин. Беглец). В китайском языке зооним 原牛 (yuán niú) (*тур*), как свидетельствует собранный фактический материал, культурной коннотацией не обладает.

Крупные размеры животных могут являться предпосылкой для возникновения ассоциаций, связанных не только с воинственной силой, но и с силой и здоровьем в принципе: *А что я могу ему сделать, если он здоровый, как слон* (В. Войнович. Замысел); *Да я здоровый, здоровый как бык, как лось, как конь!* (Н. Коляда. Рогатка). В некоторых случаях здоровье и физическая сила в сознании русского человека ассоциируются с выносливостью и способностью к тяжелому труду: *Он работал, как вол, он пер, как танк, всем известно* и др. В китайском языке физическая мощь крупных животных зачастую связывается не просто с возможностью выполнять тяжелую работу, а с трудолюбием: 他希望儿女永远像牛一样勤劳。 (Он надеется, что его дети всегда будут трудолюбивыми как быки). Как в русском, так и в китайском языках в указанных значениях могут употребляться зоонимы, в прямом значении называющие животных, не связанных непосредственно с хозяйственной деятельностью человека: *Да-да, сам таскает, ну и что, что тяжелые, он здоровый, как молодой лось, ноги длинные, плечи широкие* (А. Маринина. Чужая маска); 他们就像这大象一样勤劳、善良、憨厚、老实、不善言辞。 (Он трудолюбивый, как слон, порядочный, простодушный, не велеречивый).

Как видим, зоонимы русского и китайского языков активно используются в качестве репрезентантов понятия «сила». В обоих языках названное понятие вербализуется при помощи зоонимов *медведь* – 熊 (xióng) и *бык* – 牛 (niú), что свидетельствует о некоем единстве мышления и единообразии культурно обусловленных коннотаций, лежащих в основе интерпретации образов данных животных. В китайском языке частотными репрезентантами понятия «сила» также являются зоонимы 虎 (hǔ) (тигр) и 彪 (biāo) (мелкий тигр); менее активно данную функцию выполняет зоолексема 象 (xiàng) (слон). В отличие от китайского в русском языке понятие «сила» вербализуется при помощи зоонимов *лев, лось, тур*. Данные различия в первую очередь являются следствием географического положения России и Китая, которое предполагает наличие

определенной фауны на указанных территориях. Кроме того, на различия интерпретации образов животных оказывали значительное влияние социокультурные, этнокультурные и религиозные представления носителей обеих культур.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стеблин-Каменский, М. И. Историческая поэтика [Электронный ресурс] / М. И. Стеблин-Каменский. – Режим доступа: <http://ulfdalir.ru/literature/1476/2352>. – Дата доступа: 23.09.2017.
2. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стер. – М. : Рус. яз., 1985–1988. – Т. IV : С–Я. – 1988. – 800 с.
3. 现代汉语规范词典 / 李行健主编. – 北京 : 外语教学与研究出版社, 语文出版社, 2004.1 (2009.4 重印). – 1792 с.
4. Линд, В. Энциклопедия боевых искусств / В. Линд ; пер. с нем. А. В. Волкова. – М. : Астрель : АСТ, 2007. – 927 с.
5. Беляев, Д. А. Былинно-героический концепт «богатырь» как локальный вариант экспликации концепта «сверхчеловек» в отечественной культуре / Д. А. Беляев // Науч. обозрение. Философия. – 2014. – № 1. – С. 17–18.
6. Пропп, В. Я. Русский героический эпос / В. Я. Пропп. – 2-е изд., испр. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1958. – 603 с.
7. Юань, Кэ. Мифы древнего Китая / Кэ Юань. – М. : Наука, 1987. – 527 с.
8. Янгутов, Л. Е. О буддийских религиозных верованиях Китая (ч. 1) / Л. Е. Янгутов // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2014. – № 1. – С. 8–15.
9. Гриценко, Ю. Б. Тайны гун-фу: ответы вьетнамского мастера Нгуен хонг Ту на 100 вопросов, касающихся некоторых физических, метафизических и духовных аспектов одного из восточных боевых искусств / Ю. Б. Гриценко – Минск : Полымя, 1992. – 88 с.
10. Россия – Китай: этнокультурная специфика речевого общения : монография / под общ. ред. Ю. О. Коноваловой [и др.]. – Владивосток : Владивосток. гос. ун-т экономики и сервиса, 2014. – 324 с.
11. Мозоль, Е. В. Сравнительный анализ культов волка и медведя в древнерусской языческой традиции [Электронный ресурс] / Е. В. Мозоль. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/sravnitelnyy-analiz-kultov-volka-i-medvedya-v-drevnerusskoy-yazycheskoy-traditsii>. – Дата доступа: 23.09.2017.
12. Хранители сказок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hobbitaniya.ru/afanasyev/afanasyev84.php>. – Дата доступа: 23.09.2017.
13. Горбунов, И. В. Учение воинского искусства господина Сунь Лутана Ба-Гуа цюань сюэ : метод. рекомендации / И. В. Горбунов. – Кемерово : НОРИС, 1990. – 93 с.
14. Филимонова, Е. Н. Символика животных в переводных произведениях. «Священные» животные (на материале переводов с корейского и китайского языков) / Е. Н. Филимонова // Язык. Сознание. Коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2014. – Вып. 26. – С. 51–81.
15. 刘光磊. 中国古代图腾传播的内容、观念与功能 // 宁波大学学报 (人文科学版). – 2010. – Vol. 23, № 2. – P. 119–123.
16. Маслов, А. А. Тайный код китайского кунфу [Электронный ресурс] / А. А. Маслов. – Режим доступа: http://www.ereading.club/chapter.php/108539/97/Maslov_Taiinyi_kod_kitaiiskogo_kunfu.html. – Дата доступа: 23.09.2017.
17. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info>. – Дата доступа: 23.09.2017.

18. Кучеревская, Н. Л. Лев в искусстве древнего Боспора Киммерийского / Л. Н. Кучеревская, Н. Ф. Федосеев // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья : материалы IV Боспорских чтений. – Керчь, 2003. – С. 160–164.

19. Шмони́евский, Б. Ш. Образ льва в изобразительном искусстве Китая: связующее звено между Востоком и Западом (от Хань до Цин) / Б. Ш. Шмони́евский // Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры : собр. тр. / редкол.: А. Кобзев [и др.]. – М. : Ин-т востоковедения РАН, 2013. – Вып. 11. – С. 456–468.

20. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Сороколетова ; гл. ред. Ф. П. Филин ; сост.: О. Д. Кузнецова [и др.]. – Л. : Наука, 1968. – Вып. 3 : Блазнишка – Бяшутка. – 360 с.

21. Зайковский, Э. Культ быка у предков беларусов [Электронный ресурс] / Э. Зайковский. – Режим доступа: <http://inbelhist.org/kult-byka-u-predkov-belarusov/>. – Дата доступа: 20.09.2017.

22. Павлова, Л. В. У каждого за плечами звери: символика животных в лирике Вячеслава Иванова : монография / Л. В. Павлова. – Смоленск : Смолен. гос. пед. ун-т, 2004. – 264 с.

23. Прохоров, А. А. О туровских преданиях / А. А. Прохоров // Працы гіст. факультэта : навук. зб. / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2006. – Вып. 1. – С. 85–100.

24. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru. – Дата доступа: 23.09.2017.

25. Center for Chinese Linguistics PKU (CCL) [Electronic resource]. – Mode of access: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/. – Date of access: 23.09.2017.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 21.11.2017

Sukolen A.G. Verbalization of a Notion «Power» ‘Physical Power’ in Russian and Chinese Languages (on the Material of Zonomic Lexis)

The article is devoted to verbalization of a notion «power» based on zoonym lexis in Russian and Chinese. Ethno cultural interpretation with regard to image basis of lexical meaning revealed in significant cultural-national environment lies at the root of zoonym lexis found in both languages and resided at culturally determined connotation.